

А.В. ВАНЬКЕ

**КАК МОЖНО БЫЛО БЫ ПОМЫСЛИТЬ ТЕЛО? К
ОПЫТУ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕЛЕСНОСТИ В
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**ЧУВСТВО, ТЕЛО, ДВИЖЕНИЕ / Под ред. К. Вульфа,
В. Савчука. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»,
2011. — 368 с.**

**KÖRPERWISSEN / HRSG. R. KELLER, M. MEUSER.
WIESBADEN: VS VERLAG FÜR SOZIALWISSENSCHAFTEN,
2011. — 381 S.**

Вот в чем я, например, не разберусь:
Душа и тело слиты нераздельно,
Так отчего же тесный их союз
Не оградил их от вражды смертельной?

И.В. Гете. Фауст

Отталкиваясь от вопроса, вынесенного в название, мы намереваемся обозреть немецкоязычный горизонт исследований телесности. Эти исследования не ограничиваются одной национальной традицией, а предполагают взаимный профессиональный обмен с коллегами из других стран. Также они представляют разные, порою противоположные подходы, объединенные лишь общим интересом к телесности.

Попробуем проникнуть в эту сферу, открыв сборник «Чувство, тело, движение», который стал результатом международной конференции, прошедшей в мае 2009 года на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Он включил в себя тексты сотрудников сектора «Языки эмоций» в Свободном университете Берлина, а также статьи их петербургских коллег. В рецензируемое издание вошли междисциплинарные исследования форм телесного выражения эмоций, их взаимосвязь с движением, сознанием, воображением и языком. Разные дисциплинарные пространства предполагают свои метаязыки описания едва уловимых феноменов. Поймать движение эмоций в движениях тела? схватить скользящее воображение? зафиксировать утекающую телесность? — не это ли

Ваньке Александрина Владимировна — аспирант Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Электронная почта: Aleksandrina-v@yandex.ru

пытаются сделать авторы в своих статьях? Другой вопрос: насколько им это удастся? Разные дискурсы мирно сосуществуют на страницах книги, накладываясь друг на друга. Авторы не спорят, а создают разноцветную палитру описаний телесности в области культуры. Образы в танце, жесты в кинематографе, эмоции и память, телесность музыки и живописи, женское тело в Средние века, глубина душевных поисков — далеко не все темы, затрагиваемые в книге.

Сборник тематически структурирован тремя разделами. *Первый раздел* объединяет статьи по социальной антропологии эмоций. Начинает дискуссию *Винфрид Меннингхаус*, прослеживающий связь между эстетическим удовольствием и жестоким насилием. Почему сюжеты, связанные с насилием, стихийными бедствиями, терактами и расчлененными телами, вызывают такой интерес и удовольствие у потребителей медиапродукции? Меннингхаус предлагает три гипотезы. Первая объясняет удовольствие от насилия потребностью человека в постоянном возбуждении. Согласно второй смена прекрасных и ужасных феноменов позволяет продлевать внимание к событию. Третья сводится к биологической (эволюционной) предрасположенности человека к насилию. Автор, пользуясь дискурсом когнитивной психологии и классического психоанализа, говорит о насилии, ставя вопросы и делая предположения. Их развивает следующая статья. *Габриеле Брандштеттер*, в рамках критического искусствоведческого анализа, рассматривает воплощения животных в современном танце. Автор пытается понять, где проходит граница между «человеческим» и «животным» на примере лебединого танца, танцев духов, бабочек и птиц, населяющих сферу воздуха и олицетворяющих собою свободу движения.

Кристоф Вульф в статье о роли жестикуляции в воспитании и обучении дает антропологическое и семиотическое описание телесности — через выразительную и познавательную способности жестов, встроенных в систему социального знания. Жесты представляют собой своеобразный язык для выражения внутреннего через внешнее, создают символические пространства и могут прочитываться как знаки текста. Они служат способом регулирования отношений через вписанное в тело знание. Эту мысль, имеющую в своем основании теорию габитуса как инкорпорированных схем мышления и восприятия, развивает в своей статье об эмоциях и памяти *Алоис Хан*. В его тексте немецкий социологический дискурс, наследующий Норберту Элиасу, Максу Веберу, Георгу Зиммелю и Никласу Луману, соединяется с генетическим структурализмом Пьера Бурдьё и создает

описание «габитусной памяти»¹ как воспроизводства прошлого опыта, связанного с эмоциональными переживаниями в настоящем, с возможностью его продления в будущем. Хан ставит проблемы историчности и анализа структуры эмоций, подчиненных закону единства социальных различий, затрагивает темы бинарности эмоциональных оппозиций и нормирования эмоциональной жизни.

Таким образом, в работах первого блока эмоции и телесность анализируются через призму социального — социального человеческого существования, отличного от животного.

В статьях *второй группы* авторы рассматривают феномены, для которых отношения между *знаком* и *объектом* являются отношениями подобия. В область исследования попадают музыка и живопись, а также кинематограф. *Клаус Крюгер* разворачивает искусствоведческий дискурс о телесных образах в музыке и живописи, состязующихся по силе воздействия. Живопись позволяет увидеть телесный образ во всей его целостности и гармонии, невидимая же музыка создает лишь гармонию звуков. Так ставится проблема сопоставления *видимого* и *слышимого*, между которыми существует непреодолимое различие, но в то же время — и аналогия. Крюгер использует для осмысления этой проблемы итальянскую живопись XV–XVII вв., где изображены сочиняющие музыку композиторы с нотными записями, играющие на инструментах музыканты и хоровые певцы. Таким образом, с помощью живописного изображения незримая музыка обретает свою видимую телесность. *Лидия Гер* проводит метафорическую аналогию между *расчлененными телами* и *разорванными струнами инструментов*, тем самым пытаясь произвести телесно-эмоциональное воплощение и развоплощение музыки. *Гертруда Кох* сравнивает театральные *перформативные жесты*, способные выражать эмоции и аффекты, и *опредмеченные жесты кино*, связывающие на мгновение несвязываемые образы и язык.

Третий раздел содержит исследования, посвященные внутренним телесным переживаниям в литературном и историческом дискурсах. *Ингрид Кастен* описывает движения женского тела и души в эпоху Средневековья, когда телесное наказание воспринималось как путь к душевному спасению. *Бурхард Майер-Зикендик* посвящает статью душевному самокопанию, свойственному немецкой романтической литературе XVIII–XIX вв.; ее героини не только погружаются в меланхолическое размышление, но и очаровываются постижением глубин своей души. Эмоциональный мир «человека подполья» Достоевского

¹ Подробнее о теле через призму габитусной памяти см.: *Hahn A. Körper und Gedächtnis*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. S. 99.

становится темой для философско-психоаналитических размышлений *Гунтера Гэбауэра*, указывающего на роль эмоций в производстве субъектом социальной действительности, конструировании своего поведения и создания событий. *Георг Витте* использует в качестве предмета для метафорического анализа «текучести слова» поэзию Аркадия Драгомощенко и описывает материализованное «движение» поэтической мысли через аналогию с различными агрегатными состояниями воды. Завершают третий раздел статьи петербургских исследователей. *Алексей Грякалов* говорит о фигурах письма телесности на примере произведений Пильняка, Шкловского, Кржижановского и Платонова. А *Виталий Савчук* осуществляет литературно-исторический анализ использования пощечины как социального и аффективного жеста в культуре российского дворянства.

Разнообразные тематики и дискурсы раскрытия телесности в ее связи с эмоциями демонстрируют множественность самого феномена тела. Каждая статья показывает, как можно трактовать тело и эмоции в разных областях знания. При этом стоит помнить, что предмет, о котором говорят, предопределяет то, как о нем говорят. Какими бы разными ни казались статьи сборника, они объединены тем, что предметами описания в них выступают объекты высокой культуры. Также в них отсутствует рефлексия по поводу метода. Мы слышим разные голоса авторов и пытаемся догадаться по используемым категориям и фигурам речи, откуда — из какой области знания — они звучат. И каждый раз остается ощущение, что эмоции и телесность ускользают от исследователя. Возможно, одним из способов схватывания подобных феноменов является применение такого же языка описания — того «текучего слова», которое анализирует Георг Витте.

Вторая книга представляет собой сборник немецкоязычных текстов — результат международной социологической конференции, прошедшей в марте 2009 года в немецком городе Ландау. Название книги — *Körperwissen* — может быть переведено на русский как «Телесное знание». Во вступительной статье редакторы *Михаэль Мойзер* и *Райнер Келлер* поясняют: подобное наименование можно было бы понять как знание о теле или знание тела. Сборник междисциплинарный и включает работы не только немецких исследователей, но и их австрийских, швейцарских, британских коллег, в текстах встречаются отсылки к трудам французских и американских ученых. Авторы книги — социологи, этнометодологи, культурологи, этнографы, историки, социальные педагоги и психологи, — объединенные общей тематикой, работают в одной области — социологии знания и феноменологии, но ставят перед собой различные исследовательские задачи, поэтому неудивительно, что на страницах книги порой возникают линии натяжения и контroversы. Они выбирают для исследования

разные аспекты телесности, уделяя особое внимание методу, который предопределяет выбор аналитических инструментов: в большинстве случаев это качественные исследования, хотя не исключается и количественный анализ. Несмотря на тематическое разнообразие, статьи выдержаны в общей стилистике, характеризуются строгими приемами аргументации и доказательности.

Первый раздел сборника содержит теоретические тексты, представляющие множество оптик для рефлексии относительно феномена телесности. Профессор психологии *Анке Абрахам* критикует существующие подходы и предлагает переключиться с объективистского анализа — в котором тело рассматривается как объект социально-культурных воздействий, манипуляций, контроля и регулирования — на тело как целостную и саморегулирующуюся сущность со своей собственной логикой, как организм, который является частью природы и имеет свои потребности. Автор выступает за то, чтобы «позволить» телу говорить от себя. В таком случае оно становится субъектом, способно действовать самостоятельно и актуализировать себя независимо от сознания. *Фриц Беле* и *Стефани Поршен*, чьи интересы сосредоточены в области социологии труда, представляют противоположный подход и говорят о телесном знании, проявляемом через практическое познание. Речь идет о вписанном в тело знании, которое связано с рутинными действиями и навыками, а также с тем, что Бурдье называет «практическим смыслом»². Это имплицитное и инкорпорированное знание возникает через субъективированные действия индивидов и их чувственно-телесное восприятие действительности. Тело здесь выступает своего рода переносчиком знания и служит основой для его порождения.

Рональд Хитцлер использует этнометодологические процедуры анализа применительно к ситуации взаимодействия и коммуникации между больным в состоянии комы и врачами. Он ставит вопрос о том, воспринимается ли тело человека, находящегося в пограничном состоянии между жизнью и смертью, как тело в социальном смысле, или же оно репрезентируется как физическая масса. *Райнер Щютцайхель* помещает в фокус феноменологического описания голос как телесно-материальный феномен. В рамках структуралистской лингвистики и конверсационных теорий он рассматривает голос как часть телесной коммуникации, помещенной в знаковое поле языка. Тональность, форма репрезентации и интенциональность голоса (то

² Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер.; Послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. С. 136.

есть его направленность на собеседника) детерминируются социальной позицией говорящего, а также его полом, возрастом и идентичностью. Голос служит не только способом индивидуализации и выражения себя, но и средством распознавания индивида другими. Таким образом, первая часть сборника представляет разные теоретические направления, применимые к интересующему нас феномену, и позволяет сориентироваться в этом широком поле.

Второй раздел включает работы, посвященные сексуально-телесным практикам и дискурсам, а также повседневному и экспертному знанию о них. Британские социологи *Стиви Джексон* и *Сью Скотт* в своей феминистской статье делают критический обзор постмодернистских теорий сексуальности и вновь призывают к символическому интеракционизму. Они используют этот подход для осмысления социальных оснований сексуального поведения, которое предполагает активное производство гендера и знания. Авторы выделяют сценарии, выступающие своего рода ресурсами для определения значения сексуальных отношений, а сексуальность, исследуемая на примере женского удовольствия, становится перформансом, проигрывающимся через тело. Австрийский историк *Франц Эдер* посвящает свою работу, выдержанную в фукинианском стиле, исследованию научно-популярного сексуального дискурса между 1910 и 1960 годами, а именно осуществляет дискурсивный анализ текстуальных фрагментов и количественный анализ иллюстрирующих их графиков. Он выявляет функции изобразительных и текстуальных элементов, а также выводит стратегии визуализации. Эдер приходит к выводу, что графики и диаграммы выполняют нормализующую функцию, помещая сексуальную активность в пространство статистики; они вносят вклад в производство «истинного» знания о сексуальном здоровье. Также важным оказывается изменение графических изображений в исторической перспективе. Если до середины XX века они ориентированы на естественно-научную репрезентацию и механизацию сексуальных процессов, то вторая половина века (после сексуальной революции 60-х годов) знаменуется более гибкими и динамичными схемами, когда происходит переориентация на сексуальную жизнь субъекта. Развивает тему статья швейцарской исследовательницы *Стефании Дутвайлер*. Автор рассматривает производство экспертного сексуально-телесного знания на примере журнальной колонки, освещающей проблему нормативной сексуальности.

Работы *третьего раздела* посвящены производству, распространению и усвоению медицинского знания о теле; их связывает аналитический подход Мишеля Фуко. Открывает раздел статья *Корнелиуса Шуберта* о медицинском знании как циркулирующих референциях между телом и техникой. Автор отталкивается от тези-

са, что медицинское знание есть знание телесное, встроенное в цепочки взаимодействия между врачами, пациентами и техникой. Речь идет о телесных компетенциях — «тонком чутье» врачей, с помощью которого они проводят обследования и ставят диагнозы. Шуберт выявляет конкурирующие врачебные стратегии и связанные с ними способы восприятия пациентов. Статья *Александры Манцай* — опыт этнографического анализа актов электронной документации и наблюдения за пациентами с помощью высокотехнологичных средств. Эти средства появились в последние 20 лет и изменили порядок регулирования медицинского знания. Какую роль играет электронная документация при экономическом управлении больницей и насколько она носит политический характер — на эти вопросы Манцай отвечает в своей статье. *Марион Отт* делает предметом анализа детское тело, по отношению к которому применяются развивающие диагностические техники. Автор рассматривает их в плоскости дискурсивной практики и перформативности. Эти техники вносят вклад в производство медицинского знания о теле ребенка и возрастной норме, а также создание рекомендаций для родителей.

Берит Бетке демонстрирует результаты исследования, посвященного распространению и популяризации телесного знания в пространстве межкультурных выставок гигиенического музея Дрездена в период с 1950-х по 1980-е годы. Эмпирическим материалом служат африканские и азиатские фотографии, репрезентирующие человеческое тело. Автор проводит визуально-дискурсивный анализ и приходит к выводу: изображения конституируют и моделируют универсальный нормативный смысл в культурно-социальном контексте; они служат средством обучения и популяризации знания о теле и здоровье. *Фабиан Карш* говорит о социально-медицинских основаниях и спорах относительно критериев постановки диагноза «синдром дефицита внимания с гиперактивностью». Используя фукинианский аппарат, он критикует процесс медиализации, посредством которого осуществляется дисциплинирование и адаптация населения; формулируются нормы в определенных режимах знания, структурирующих действительность. Завершает медицинскую тематику статья *Вили Вихефера* о пластической хирургии как техниках производства себя. Автор отмечает, что современный дискурс пластической хирургии диктует мнение об определении возможностей тела посредством лечебной терапевтической медицины, о естественности и натуралистичности телесности, а также предписывает конструировать свое тело в соответствии с бытующими идеалами красоты.

Четвертый раздел тематически объединяет тексты, описывающие передачу телесного знания в процессе обучения. *Анттье Лангер*

приводит результаты дискурсивного анализа педагогических статей, содержащих информацию и советы по преподаванию телесной культуры в школе. Заимствуя исследовательские инструменты у Фуко и Батлер, она рассматривает дискурсивность через социальную практику, участвующую в установлении значений. Лангер связывает перформативность речевого акта с телом постольку, поскольку тело — это материальный объект. Тело учителя выступает средством взаимодействия и установления контакта с учащимися посредством жестов и символов, вносящих вклад в регулирование порядка в классе. Учительское тело служит проводником «внутренней» власти, проявляющейся во внешнем пространстве. Продолжает тему *Лариса Шиндлер* статьей о социальных педагогических практиках, имеющих дидактическое основание. Она утверждает, что телесные действия учителей предполагают демонстрацию и практическое обучение, с помощью которого происходит усвоение учениками неявного телесного знания. Завершает сборник текст *Зигфрида Заеберга*, уводящего читателя в область социологии смысла, граничащей с феноменологией тела. Автор проводит философский анализ характерной для коллективной памяти западноевропейцев метафоры черного крота на материале сказок, басен, поговорок и символов. Он выявляет различные смысловые оттенки данной метафоры и концентрируется на образе крота как врага. Заеберг размышляет о конструировании смыслов через сенсорные действия садоводов, борющихся со своими маленькими врагами.

Если сравнивать между собой две книги, то можно заключить, что одни и те же феномены помещены в них в разные плоскости, определяющие исследовательский угол зрения. «Телесное знание» — это сборник научных статей, ставших результатом международной конференции по социологии тела и знания. «Чувство, тело, движение» также представляет собой издание расширенных докладов конференции, но посвященной феномену телесности в философии, теоретической социологии и искусствоведении. Эти книги ставят перед собой разные задачи, хотя не исключаются и некоторые пересечения, как в случае со статьями К. Вульфа, А. Лангер и Л. Шиндлер, описывающими телесные жесты в процессе обучения. Стоит также отметить стилистическое различие этих книг. Сборник «Телесное знание» стилистически разнороден, в силу того что его авторы работают в разных городах и университетах. Авторы же сборника «Чувство, тело, движение» (за исключением А. Хана, В. Савчука и А. Грякалова) ведут совместные проекты в секторе «Языки эмоций» в Свободном университете Берлина, что, безусловно, влияет на общность их исследовательского стиля.

Итак, как можно было бы помыслить тело? В заключение перечислим основные аналитические концепты, которые могут быть при-

менимы к феномену телесности. Прежде всего это категории знания и власти. *Знание* исходит из феноменологической социологии А. Шютца, П. Бергера, Т. Лукмана и соединяется с *властью* в фукинианском диспозитиве как в точке схождения режимов господства и производства знания. Речь идет о техниках конституирования себя, а вместе с тем и о создании своего тела. Аналитика Фуко лежит в основе большинства статей по медицине и сексуальности. Телесное знание может быть осмыслено с помощью оппозиций явного/неявного, эксплицитного/имплицитного — того, что получает название *tacit knowing* у М. Поланьи и инкорпорированного знания у П. Бурдьё. Вписанное в тело знание в силу двойного структурирования является как предпосылкой, так и результатом работы практического чувства, а также габитусной памяти. Инструментальный набор исследователя телесности составляет и категория перформативности, разрабатываемая Джудит Батлер.

Общие тенденции изучения феномена телесности в немецкоязычном научном пространстве можно было бы обозначить направлениями, которые связаны, во-первых, с процессами медиализации, во-вторых, с сексуальным дискурсом, и в-третьих, с педагогическими практиками передачи телесного знания. Особый интерес для немецких исследователей представляет изучение тела в соотношении с эмоциями. Их внимание обращено и к визуализированной телесности: будь то критическое описание выставочных фотографий в музее, журнальных изображений в средствах массовой информации; видеосъемки антропологических сюжетов или же искусствоведческий анализ изображений человеческих тел, запечатленных на картинах и в скульптурах. Сравнивая ситуацию с российским контекстом, важно отметить, что в отечественной социологии тема телесности только начинает пробивать себе дорогу и встречается в основном в гендерных исследованиях. Наиболее развитыми в этом смысле оказываются феноменология и психосемиотика тела, активно работают в этом направлении и российские антропологи.